

КРАСНЫЙ КЛЁН

Алексей Соломатин

Алексей Иванович Соломатин

Красный Клён

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70649686

SelfPub; 2024

Аннотация

"Красный клён" – искреннее повествование об авторских приключениях в Нью-Йорке, пронизанное темой мечтаний и их воздействия на наше восприятие мира. Алексей Соломатин мастерски переплетает яркие зарисовки Манхэттена, Бруклина и русского квартала Брайтон-Бич с глубокими размышлениями о хрупкости человеческих судеб. Через отчетливые образы и личные наблюдения автор исследует, как исполнение давней мечты о посещении Нью-Йорка заставило его по-новому взглянуть на судьбы эмигрантов и их место в обществе. Кульминацией становится случайно подсмотренная драма отца и сына-эмигрантов, которая вдохновляет на создание стихотворения "Красный Клен" – отклика на увиденное и символа непростого пути к осуществлению мечты. В книге читатель погружается в интимные размышления автора о смысле мечтаний и их влиянии на личное развитие. Произведение провоцирует задуматься о собственных мечтах, их значении и том, как они могут изменить наш взгляд на окружающий мир.

Содержание

Пролог.	4
Я помню, как всё начиналось.	5
Если ты не можешь приехать в Нью-Йорк сам, Нью-Йорк придёт к тебе.	7
В США.	11
Нью-Йорк. Поиск плана “Б”.	13
Нью-Йорк, Нью-Йорк.	15
Хостел в Бруклине.	18
Мечта поэта.	23
Русский Нью-Йорк.	25
Красный клён.	29

Алексей Соломатин

Красный Клён

Пролог.

Красный клён (*Acer rubrum*) – дерево, которое чаще всего можно встретить в восточной части побережья США и Канады.

Осенью его листья становятся красными благодаря яркому пигменту антоциану. Его действие вытесняет зелёный хлорофилл, который летом придаёт листьям зелёный цвет. Дерево таким образом готовится к трудным переменам в своей жизни, адаптируясь к новым суровым условиям зимы.

Огненно-красные листья клёна наполняют осеннюю природу и городские пейзажи невероятной красотой, создавая яркий контраст с обыденной серостью и неотвратимым наступлением зимы.

Но это зрелище недолговечно. Яркий и роскошный красный клён вскоре становится опавшим сухим деревом, согнутым сильными ветрами Северной Атлантики.

Я помню, как всё начиналось.

Меня часто спрашивали, где в Америке я бывал. Я отвечал, что был в Лас-Вегасе, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе.

– А в Нью-Йорке? – спрашивали меня.

– Нет, в Нью-Йорке не был, – отвечал я с досадой, оправдываясь тем, что посещать Нью-Йорк совсем не обязательно. – Но я много раз летал в США и имею достаточное представление об этой стране.

Однако каждый раз внутренний голос говорил мне: «Съезди в Нью-Йорк, осуществи свою давнюю мечту».

С самого раннего детства я мечтал побывать в этом городе, который считается столицей мира. Насмотревшись американских фильмов, я понимал, что это очень трудновыполнимая мечта, ведь я вырос в небольшом провинциальном городе. Получить американскую визу и отправиться в Нью-Йорк было для меня очень смелой мечтой.

Всё изменилось спустя много лет, когда появилась возможность поехать в Америку. Этим я обязан своему знакомому из Норвегии Александру. Он часто летал в США и уговорил меня подать документы на визу. Я согласился, и спустя пару недель заветная виза была в моем паспорте.

Билеты в США оказались недорогими, а расходы на проживание были минимальными, так как мы делили их пополам. Также мы делили расходы на аренду автомобиля и бен-

зин поровну, а иногда на троих или четверых, если к нам присоединялись попутчики. В целом это были очень выгодные и недорогие путешествия, полные интересных впечатлений.

Вот только маршруты, как правило, строились по западной части штатов. Это было оправдано огромной концентрацией национальных парков и мягким климатом в той части Америки. Но как же быть с Нью-Йорком? Этот город находится на восточном побережье и славится своей дороговизной. Александр туда лететь не хотел, а путешествие в одиночку может быть довольно затратным. Отели на Манхэттене могут стоить от двухсот долларов в сутки и выше. Вот так всё и откладывалось – до очередной поездки.

Если ты не можешь приехать в Нью-Йорк сам, Нью-Йорк придёт к тебе.

Эта история началась в конце лета 2018 года, примерно за месяц до запланированной осенней поездки по привычному маршруту. Правда, билеты на самолёт я ещё не приобрёл, но даты были известны. И вот, стоя на кухне, я получаю уведомление о том, что какой-то хостел из Нью-Йорка подписался на мой аккаунт о путешествиях в популярной социальной сети.

Я ради интереса зашёл на страницу этого хостела. Оказалось – он расположен в Бруклине, практически на Брайтон-Бич, и все посты на странице публикуются на русском языке. В основном тема всех публикаций – это город Нью-Йорк, достопримечательности и недорогое размещение. Ничего особенного, кроме того, что в одном из постов я увидел цены. Они были представлены в виде таблицы на фотографии, и там не было стоимости за одни сутки, как это принято везде, – неделя, две недели, месяц. Впрочем – тогда я не придавал особого значения этой детали. Мои мысли крутились вокруг появившейся случайно возможности – побывать в Нью-Йорке.

«Почему бы и нет?» – подумал я и перешёл в директ этого хостела, чтобы связаться с ними. Я написал им, что я тревел-блогер, рассказал о своих ресурсах и сообщил, что планирую посетить Нью-Йорк в начале октября. В этом же сообщении я предложил хостелу предоставить мне проживание на четверо суток в обмен на рекламу на моих ресурсах, о которых рассказал вкратце.

Такой подход является распространённой практикой, которую я уже использовал в разных странах мира. У меня было одно неоспоримое преимущество – они первые вышли на меня, добавив мой аккаунт в свои подписки, а это означало, что чем-то я их заинтересовал. Такую возможность нельзя было упускать.

На мой запрос ответили быстро, но конкретики было, увы, мало. Ответ был что-то вроде: «Да, можно попробовать».

– Будет ли у вас возможность поселить меня в отдельную комнату? – уточнил я.

Ответ я получил почти сразу: «У нас в принципе нет отдельных комнат... Если только будет свободно в двухместном номере».

Я немного переживал за фотооборудование, которое всегда вожу с собой и стараюсь его не оставлять в местах общего пользования. С другой стороны, вариантов было немного, а строго говоря, вариант был один – надеяться, что мне повезёт.

Мне предложили по прилёту связаться с менеджером оте-

ля для заселения. Я не стал больше настаивать на деталях. Так что мы оставили всё как есть и договорились: прилечу – напишу менеджеру.

Итак, половина дел была сделана. Жильё в Нью-Йорке было найдено бесплатно, и это стало главным мотивирующим фактором для перестройки схемы моей предстоящей поездки.

Мысли завертелись в голове с невероятной скоростью. Нью-Йорк – неужели это правда, и я всего в двух шагах от него? Туманная и невыполнимая мечта юности постепенно начинала приобретать видимые очертания реальности.

Самое время сосредоточиться на билетах. Мне нужно было долететь из России до Лос-Анджелеса, а вернуться в Россию уже из Нью-Йорка. Кроме того, нужно было найти вариант перелёта из Калифорнии или соседнего штата в сам Нью-Йорк.

Я уже спланировал основную часть поездки с моим другом из Норвегии. Мы собирались посетить несколько национальных парков на западе, съездить к Гранд-Каньону и другим достопримечательностям, а затем через Лас-Вегас вернуться в Лос-Анджелес. Все предыдущие поездки начинались и заканчивались в Лос-Анджелесе.

Поскольку неожиданно возник Нью-Йорк, я попытался найти единый билет на маршрут Казань – Лос-Анджелес – Лас-Вегас – Нью-Йорк – Казань на нужные даты... И, о чудо! Turkish Airlines предложили недорогой вариант по это-

му маршруту через Стамбул. Внутренний перелёт Лас-Вегас – Нью-Йорк выполнял их партнёр Alaska Airlines. Я уже не помню, сколько стоил билет, но он показался мне привлекательным, и я сразу его купил. Таким образом, на обратном пути я в Лас-Вегасе просто сходил с общего маршрута и дальше уже путешествовал в одиночку. Отличный план. Адrenalин кипел в моей крови.

В США.

Прилетев в Калифорнию и наслаждаясь потрясающими местами, меня очень беспокоило отсутствие чёткого подтверждения моего проживания в Нью-Йорке. В голове крутились разные мысли: «Вдруг они передумают?», «Что делать, если откажут, искать отель в последний момент? Это будет очень дорого».

Я старался не думать об этом, но мысли, словно назойливые насекомые, не давали мне покоя. Хотелось получить более определённое подтверждение, но я не мог просто написать им снова, ведь мы уже договорились, и беспокоить людей повторно было бы несерьёзно.

В итоге я дождался дня вылета из Лас-Вегаса в Нью-Йорк. Рейс был ночным, и в Нью-Йорке он должен был приземлиться около шести утра. Уже в аэропорту Лас-Вегаса я не выдержал и написал: «Прилетаю завтра в шесть утра. Всё в силе? Скиньте, пожалуйста, точные GPS-координаты хостела, куда мне приехать из аэропорта, и контактное лицо».

Мне ответили, что всё без изменений и чтобы я сообщил, как только прилечу в Нью-Йорк. Но то, что они не дали координаты, меня, честно говоря, напрягало. Но обратного пути уже не было, и я сел на рейс Alaska Airlines с небольшой тревогой.

Тут небольшое отступление и пару слов о внутренних рей-

сах в США. Внутри страны я летал впервые и был удивлён удобными креслами и большим расстоянием между сидениями. У нас обычно на всём этом экономят авиакомпании. С другой стороны, меня сильно беспокоила температура в салоне. На борту был откровенный мороз. Если после посадки в жарком Лас-Вегасе (+26°C) это было не так заметно, то после взлёта холод начал прямо беспокоить. Оказывается, как я потом прочитал, это нормальная практика для американских рейсов – морозить пассажиров. Они привыкли к такой температуре. Думаю, было около 15–16 градусов по Цельсию. Я укутался во всё, что у меня было, и крепко заснул, так как был очень уставший после дневного путешествия.

Нью-Йорк. Поиск плана “Б”.

Проснувшись от резкого крена самолёта в процессе маневров перед посадкой, я увидел под собой малоэтажный Бруклин. Желто-красные деревья между стройными квадратами кварталов напоминали о ранней нью-йоркской осени, в которую мне скоро придётся окунуться. Помню свою первую мысль – очень много деревьев для такого мегаполиса.

Через несколько минут наш самолёт приземлился в аэропорту имени Джона Кеннеди.

Первое, что бросилось в глаза, – относительная пустота внутри терминала в шесть утра. Я всегда считал, что аэропорт JFK – самый загруженный в мире, но тут были только пассажиры нашего рейса из Вегаса и ещё одного внутреннего. Быстро забрав свой чемодан с багажной ленты, я вышел на улицу.

Нью-Йоркский осенний воздух ударил мне в нос. Он был очень свежим и прохладным с лёгким ароматом аэропорта и привкусом исполнявшейся мечты здесь и сейчас. В голове кружились разные мысли о том, что скоро я увижу своими глазами Нью-Йорк, и от этого мне было по-мальчишески зазорно.

Нужно было связаться с хостелом. Сначала я отправил сообщение в стиле: «Прилетел, куда мне ехать?» Подождав 20 минут без ответа, я начал звонить. Номер, который у меня

был, после четвёртого гудка переходил на автоответчик, как во многих американских фильмах. Я, конечно же, оставил сообщение, но моё настроение становилось всё хуже.

В голову пришли мысли о том, что меня обманули, и мне придётся искать варианты. Ситуацию осложнял мой большой чемодан – куда его девать?

Изначально я планировал сразу после прибытия в аэропорт поехать в хостел, оставить там свой багаж и отправиться в город, но телефон не отвечал, мессенджер тоже, и мне нужно было что-то предпринять.

Вдруг мне вспомнился сервис хранения багажа, о котором рассказывал мой друг. Я быстро нашёл приложение Radical Storage на своём смартфоне, и выбрал ближайшее место хранения. Это оказался книжный магазин на Таймс-сквер. Проблема с багажом была решена.

Теперь, даже если я останусь без хостела (план «А»), без багажа мне будет проще найти место для ночлега. А если всё же появится возможность заселиться, я могу спокойно забрать свой чемодан из магазина и отправиться туда. Так у меня появился план «Б».

Нью-Йорк, Нью-Йорк.

Я никуда не спешил. Было около семи утра, а до открытия книжного магазина оставалось ещё три часа. Поэтому решил провести время в аэропорту. Посидел в кафе, заглянул в соцсети, изучил достопримечательности Нью-Йорка и узнал, как к ним проехать. Примерно через час-полтора я неспешно отправился на Манхэттен.

Добраться из аэропорта JFK в центр города тоже не так просто. Сначала нужно доехать на поезде AirTrain до узловой станции Jamaica, где можно пересесть на обычное метро. Так я и сделал. Во время пересадки быстро понял, что мне будет выгоднее купить недельный билет на метро, чем тратиться на разовые поездки четыре дня подряд. Поэтому я так и поступил.

Нью-Йоркское метро оказалось не таким ужасным, как везде о нём пишу. Да, с чистотой есть вопросы, но всё же это не совсем тот кошмар, который я нафантазировал себе. Более того, за все эти четыре дня я не увидел в подземке ни одной крысы.

Когда я приехал на Таймс-сквер, то увидел, что магазин, в котором я забронировал место для хранения своего багажа, уже открыт. Я был его первым посетителем.

Пожилой хозяин магазина, увидев меня с чемоданом, без лишних слов произнёс заветный вопрос: «Radical Storage»?

Получив от меня подтверждение, он ловко подхватил мой багаж и увёз его в свои книжные «манхэттенские джунгли».

Так я оказался совсем налегке и мог делать всё, что хотел. А хотел я многого. Сейчас не буду рассказывать о моей прогулке по центральному парку, бесплатном пароме на Staten Island, который проходит вблизи Статуи Свободы, и о знаменитых хот-догах за 5 долларов, которые уже стали визитной карточкой города.

Нью-Йорк поразил меня, и теперь я понимаю, что это было не столько восхищение самим городом, сколько радость от исполнения мечты. Словно во мне что-то освободилось и открыло путь к чему-то новому, оставив после себя воспоминания о юношеских грёзах.

Вернёмся к нашей истории с хостелом. Впечатлённый многообразием огромного города, я уже начал забывать о том, что мне вечером нужно где-то ночевать. Эмоции лились через край, и я, наверное, был немного опьянён тем, что наконец моя мечта исполнилась. Я был в Нью-Йорке. Тем временем начало уже смеркаться. В какой-то момент мне пришло сообщение от администратора хостела, и я ему перезвонил. Он спросил, где я нахожусь и когда смогу приехать. Поскольку я в это время плыл на пароме, а багаж в магазине был оплачен до вечера, мы договорились, что я приеду к ним уже вечером, когда завершу свой первый день. Только после этого он мне написал точный адрес и ориентиры, как пройти

к их хостелу.

Хостел в Бруклине.

Вечером, уставший, но довольный, я забрал чемодан из магазина на Таймс-Сквер и отправился в хостел. Станция метро Шипсхед-Бей, на которой мне нужно было сойти, соседствовала со знаменитой Брайтон-Бич, одного направления метро веток В и Q. Мне предстояло пройти пешком около 20 минут до нужного адреса.

Вечерело. Я очень устал после насыщенного дня, а бессонная ночь в самолёте не давала сосредоточиться. Мимо меня проходили люди, и я слышал русскую речь. На вывесках кафе и магазинов можно было прочесть на русском языке знакомые слова: «Ремонт», «Продукты».

У меня не было сил чему-то удивляться. В мыслях я уже лежал в тёплой постели и хотел поскорее уснуть. По крайней мере, именно такой финал сегодняшнего дня рисовало моё воображение.

Навигатор привёл меня к одному небольшому двухэтажному дому на два входа. Строго говоря, дом был трёхэтажный, но один этаж – это полуподвал с гаражами. На нужном мне входе был указан только номер без каких-либо объявлений и табличек. Рядом со входом была оборудована маленькая терраса с небольшим столом и несколькими стульями и скамьёй.

Я нажал на кнопку звонка. За дверью послышались шаги, которые шоркали о пол. Дверь открылась, и на пороге появился молодой человек лет двадцати пяти в поношенной футболке, шортах и шлёпанцах.

– Алексей? – спросил он, открывая дверь.

– Да, – ответил я. – Еле вас нашёл.

Он протянул мне руку:

– Андрей, администратор.

Пока мы поднимались наверх, я внимательно осматривал помещение. Хостел находился на верхнем этаже здания. В центре холла была небольшая кухня со столовыми принадлежностями и небольшим столом, маленький диванчик и пара стульев. Рядом располагались душевая и туалет. В коридоре были натянуты верёвки, на которых сушилась одежда, а также стояла стиральная машина.

Жилые помещения состояли из нескольких комнат. Одна из них двухместная, другая – четырёхместной, куда поселили меня. Ещё было несколько комнат, куда я не заглядывал. Все комнаты были заняты, под завязку. В основном там жили молодые русскоязычные парни 20–25 лет. Одну их комнат занимали двое мужчин постарше, около 40 лет.

Меня поселили на второй ярус в четырёхместном номере, что, как я потом понял, было большой удачей.

Андрей был немногословен. Мы обсудили условия. Я предложил ему сделать большой репортаж о хостеле, но он

сразу отказался. Он сказал: «Снимать здесь никого не нужно, чтобы люди не попали в кадр. Возьми фотографии из нашей группы «ВКонтакте» и просто напиши, что мы помогаем русскоязычным ребятам с проживанием на первом этапе переезда в Нью-Йорк. Оплата у нас в основном по неделям. Иногда люди живут по несколько месяцев».

Андрей продолжил: «Оставь залог из расчёта 50 долларов за ночь. Как только напишешь пост и разместишь в соцсетях, скинь мне ссылку, я посмотрю, и если всё нормально, верну тебе залог».

Это предложение стало для меня неожиданностью, потому что ранее мы не затрагивали вопрос о залоге. Я был немного раздражён, но у меня не было ни сил, ни желания спорить. Я отдал Андрею 200 долларов. Он сунул их в карман и показал, где моё полотенце – на этом мы попрощались.

Первое, что я заметил – это грязь. Вероятно, люди здесь живут уже довольно долго и не обращают внимания на антисанитарию. Я успокаивал себя тем, что мне нужно провести здесь всего три ночи и за это не придется платить. Утром буду уезжать, а приезжать только на ночлег, так что можно и потерпеть.

Когда я вышел на улицу, то встретил двух молодых людей, сидящих на террасе у входа, которые жили в этом хостеле. Мы познакомились и разговорились.

Одного из них звали Юрий. Ему было около 25 лет, и он

переехал в Америку из Беларуси. Его товарищ Илья, ровесник Юрия, был родом из небольшой деревни под Барнаулом. Оба с просроченными туристическими визами. Остались на нелегальном положении в поисках лучшей жизни.

Когда Юрий узнал, что я просто путешествую, и у меня всё в порядке с документами и визой, он очень удивился и даже немного растерялся. Ему было сложно понять, что я делаю в этом хостеле, ведь почти все его жильцы – люди, у которых проблемы с миграционным законодательством США.

Кто-то не продлил визу, кто-то пытался легализоваться через одну из многочисленных контор, но его обманули, кто-то просто ждёт, когда ему переведут крупную сумму денег из дома, чтобы начать здесь новую жизнь.

Ребята были очень откровенны со мной. Видимо, всё это настолько их беспокоило, что им очень хотелось выговориться человеку, которого они видят впервые в жизни. Я молча слушал.

Илья рассказал свою историю. Он приехал в США по туристической визе с тысячей долларов. Илья надеялся, что за время своего пребывания в стране по туристической визе – а это полгода – он сможет найти жильё и работу, а также подготовить все необходимые документы для легализации своего статуса.

К сожалению, всё пошло не так, как он планировал. Деньги быстро закончились, а жильё стало не по карману. Найти стабильную работу тоже оказалось непросто. На постоянную

работу Илью не брали, а случайные подработки позволяли только покрыть текущие расходы на хостел, транспорт и еду.

Когда человек становится нелегалом, возрастают риски быть обманутым или «кинутым» работодателем. Америка – страна развитого капитализма, и деньги здесь играют решающую роль. Если у тебя нет возможности отстаивать свои права в суде, потому что иск не примут, тебя начинают использовать все, кому нужна дешёвая или бесплатная рабочая сила. Зачем платить, если ты всё равно бесправен? Уйдёшь – найдём другого на твоё место.

Вот так и работают молодые люди, зарабатывая по 30 долларов в день.

Из этой суммы нужно оплатить проживание в хостеле и проезд по Нью-Йорку на общественном транспорте. На нормальное питание почти ничего не остаётся, и им приходится довольствоваться лапшой быстрого приготовления. Вот она, американская мечта! Хорошо, что они пока молоды и полны сил, но их психическое здоровье уже явно не в порядке. Мне было жаль ребят, но они сами выбрали этот путь, а у меня был свой.

Мечта поэта.

Где-то я вычитал, что Нью-Йорк похож на чувака, который заботится о своей причёске, но не пользуется туалетной бумагой... Этот афоризм очень кстати подошёл к моим первым впечатлениям о городе. Внешне всё красиво и богато, но стоит только обратить внимание на детали, как сразу начинаешь видеть обратную сторону. Это касается всего: статных, сверкающих небоскрёбов у подножия которых расположен неказистый вход в метро, в котором свисают куски паутины. Или многочисленные бомжи, которые могут справлять нужду у всех на виду в тот момент, когда мимо них пронесётся Bugatti Chiron за два с половиной миллиона долларов. Потрясающе.

Очень сложно на таком контрасте оставаться равнодушным к этому городу.

Нью-Йорк всегда привлекал своими возможностями и свободой. Здесь живут представители 110 национальностей со всего мира. В этом городе можно встретить людей всех рас и народов, которые прибыли сюда из разных уголков планеты. Неудивительно, что Нью-Йорк называют столицей мира. Это одна из причин, почему штаб-квартиру ООН разместили именно здесь.

Мне очень нравилось гулять по Манхэттену. На этом острове почти невозможно заблудиться: все его многочислен-

ные улицы и авеню делят Манхэттен на симметричные квадраты.

Исключением является Бродвей – единственная улица, которая берёт начало в самой южной точке Манхэттена и пересекает его по диагонали, уходя через Бронкс далеко на север.

В центральной части Манхэттена расположены все знаменитые развлекательные заведения, включая театры, мюзиклы и концертные залы. Здесь выступали такие знаменитости, как Чайковский, Шаляпин, Рахманинов и другие, получившие мировую известность артисты.

Это лишь внешняя, туристическая сторона Нью-Йорка. Но мне очень хотелось увидеть настоящую жизнь этого города. Ведь за каждым зданием, мостом и переулком скрывается повседневная жизнь его жителей. И она далека от идеала, как мне казалось раньше, когда я сидел в своей старой панельной многоэтажке за восемь тысяч километров от этого мегаполиса.

Ещё один важный тезис, с которым я позже согласился: в Нью-Йорке ты видишь всех, а тебя не видит никто.

Русский Нью-Йорк.

Однажды я запланировал прогулку до южной окраины Бруклина – Брайтон-Бич. Мне хотелось посетить этот русский квартал по нескольким причинам. Во-первых, от моего хостела до Брайтона можно было дойти пешком всего за 20 минут. Во-вторых, было интересно узнать, как сейчас выглядит район, где живут в основном наши бывшие соотечественники.

Погода мне улыбалась: все дни моего пребывания в Нью-Йорке были солнечными и тёплыми. По Кони-Айленд авеню я отправился на юг, держа курс на Брайтон-Бич.

По мере того как я приближался к главной улице русского района Брайтон-Бич Авеню, начали появляться вывески на русском языке. Иногда они просто дублировали английские названия, например, «Translation Services» было написано на кириллице как «Бюро переводов».

Когда я свернул на Брайтон-авеню, я почувствовал настоящий дух русской Америки: почти вся реклама была на русском языке.

Одна из вывесок меня позабавила больше всего. Огромными буквами было написано «МОСВИДЕОФИЛЬМ» над входом. Первое, что приходит на ум, – русскоязычное кино и видео, однако на следующем рекламном щите выше было всё расписано подробнее.

«Мосвидеофильм предлагает уникальные услуги: фото + диагностика ауры, чакр (энергетических центров), анализ и гармонизация физического и психоэмоционального состояния». В качестве иллюстрации рядом с текстом была изображена фигура человека с разноцветными шарами-чакрами, расположенными вдоль позвоночника.

На нижнем этаже была открытая лавка и вход в магазин, где красовалась реклама: “Подключаем к российским TV”, афиши на концерты и... цветы. Такой мини-супермаркет – все в одной лавке. Это лишь один из примеров.

Это напомнило мне Россию 90-х годов прошлого века. В те времена города были заполнены подобной рекламой, а коммерсанты занимались всем, что могло принести хоть какой-то доход, не обращая внимания на стиль, статус или мораль.

Возможно, причина в свободной рыночной политике, не препятствующей подобному бизнесу, или же в том, что никто не контролирует русскоязычную или иную этническую субкультуру, где можно делать всё.

Наши эмигранты застряли во времени, когда они переселились на Брайтон. Они встроились в русскоязычное сообщество и зарабатывают небольшие деньги, чтобы выжить. У меня сложилось именно такое впечатление. Многие пожилые люди первой волны эмиграции даже английский толком не знают. Да он и не нужен им здесь, на Брайтоне, где все говорят на русском.

В большой город редко кто из них выезжает, потому что там живут другие люди с другим образованием и менталитетом. Они чужие. Вот так и зависли они между разными культурами и временем. СССР больше нет, а Америка не стала для них родной и никогда не станет.

Над головой появилась эстакада метро. В конце XIX века здесь была построена железнодорожная ветка, но в начале XX века её реконструировали в линию метрополитена.

Под эстакадой пролегает автомобильная дорога, а по обеим сторонам авеню вдоль тротуаров друг за другом расположены офисы, кафе, аптеки, магазины и другие учреждения, предоставляющие услуги населению. Из-за ограниченных размеров тротуаров они всегда заполнены людьми.

В этой оживлённой толпе, особенно когда сверху движется состав метро, люди, пытаясь перекричать друг друга на русском языке, создают такой колорит, какого я, пожалуй, не встречал больше нигде в мире.

Как следует из названия, Брайтон-Бич – это пляж. Он находится всего в квартале от авеню и является одним из самых удобных песчаных пляжей в Нью-Йорке, до которого можно без проблем добраться на метро из любой части города.

В конце XIX века эту часть города облюбовали европейцы, которые приезжали сюда отдыхать. Это была дорогая и успешная курортная зона, но всё изменилось во времена Великой депрессии в 1930-х годах. Район быстро пришёл в упадок и превратился в гетто. Здесь в основном селились бед-

ные афроамериканцы, что привело к соответствующим последствиям. Цены на недвижимость оказались очень низкими, и это привлекло новую волну людей. Благодаря низким ценам сюда переехали выходцы из бывшего СССР, а затем и из России.

Первая волна русскоязычной эмиграции заселила Брайтон в 1970–1980-х годах. После распада СССР и перестройки сюда потянулись так называемые «колбасные эмигранты» из новой России, а также различные криминальные элементы. Это смешало старую и новую волны эмиграции.

До конца XX века этот район считался неблагополучным. Преступность, грязь, нелегальные эмигранты – всё это было в избытке на Брайтоне.

Сейчас это довольно престижный район, но его история и дух прошлых лет всё ещё ощущаются в воздухе.

Красный клён.

Я выполнил все свои планы по посещению достопримечательностей Нью-Йорка и в последний день просто гулял по Манхэттену перед утренним вылетом домой. На душе было спокойно и тепло от того, что мечта юности наконец сбылась – я в Нью-Йорке.

Моя карта памяти в стареньком фотоаппарате Canon 6D была заполнена прекрасными снимками города. Регистрацию на утренний рейс Turkish Airlines в Стамбул была пройдена онлайн. Даже успел написать статью о хостеле, в котором остановился на эти дни. Мне повезло, и статью одобрили, вернув залог. Моя поездка заканчивалась замечательно, кроме одного...

На душе было беспокойно, как будто что-то не успел сделать. Знаете, бывает так, когда всё хорошо, но чего-то не хватает...?! Старался не думать об этом, успокаивая себя тем, что просто слишком много пережил эмоций за эту поездку.

Близился вечер, солнце садилось, окрашивая красным закатным светом зеркальные стёкла небоскрёбов, которыми застроена большая часть Нижнего Манхэттена. Я только что прошёл мимо нового здания Всемирного торгового центра и направлялся по Визи-стрит в сторону Парк-роу. Эта улица плавно поднималась, и по ней можно было попасть на старинный Бруклинский мост. У меня в планах было перейти

Ист-Ривер по этому мосту и оказаться в Бруклине.

Было стойкое ощущение, что сейчас, покидая Манхэттен, я больше не вернусь сюда в это путешествие. Может быть, поэтому мне было не по себе? Не знаю.

Пешеходная часть Бруклинского моста была очень оживлённой. Молодые девочки и мальчики, в основном азиатской наружности, делали селфи и снимали сторис на фоне закатных небоскрёбов Манхэттена с каменного моста. Этот мост конца 18 века изначально не был рассчитан на такое количество пешеходов, а сейчас его проход шириной в несколько метров был плотно забит людьми и велосипедами, снующими туда-сюда. Находиться на мосту было крайне некомфортно, и я постарался как можно быстрее его перейти.

На противоположной стороне Ист-Ривера открылся впечатляющий вид на Манхэттен. Солнце уже заходило над его южной оконечностью и заливало приятным красноватым оттенком строгие гиганты-небоскребы, которые покорно смотрели на Бруклин.

Ист-Ривер в районе Бруклинского моста сужается, и расстояние между берегами составляет около 300 метров. Когда вы стоите на стороне Бруклина в этом месте, создаётся впечатление, что огромные стеклянные и каменные исполины нависают над тобой.

Я поймал себя на мысли, что этот прощальный закат невероятно красивый. Город словно прощается со мной посылая эти красные лучи света в ответ на мое искреннее желание

приехать в Нью-Йорк.

Около получаса я стоял на берегу Ист-Ривера и любовался прекрасным закатом. Солнце скрылось за горизонтом, и в небоскрёбах один за другим начали зажигаться огни. Я понимал, что совсем скоро стемнеет, и тогда я увижу настоящий ночной Манхэттен, каким его изображают на открытках и фотографиях разных лет.

Я медленно шёл вдоль набережной на север, останавливаясь время от времени, чтобы сфотографировать проплывающие по реке прогулочные катера, баржи и парусные лодки. В это время на Ист-Ривер было очень оживлённое движение.

Красивый закат и хорошая погода побуждали владельцев больших и маленьких судов совершать прогулки по этой акватории Нью-Йорка в сторону слияния с Гудзоном. Скорее всего эти многочисленные водные баркасики с туристами следовали до главной достопримечательности – Статуи Свободы, очертания которой были видны в мой объектив фотокамеры при большом увеличении.

Трудно сказать куда я шел. У меня не было конкретной цели, просто хотелось напоследок подольше побыть на берегу и насладиться этими масштабными видами вечернего Манхэттена.

Поднялся лёгкий ветерок. Я поднёс камеру к глазу, чтобы выбрать наилучший ракурс для следующего снимка. Но изображение оказалось тёмным, а по краям кадра было за-

метно какое-то движение.

Я посмотрел на объектив и обнаружил причину: сорванный ветром красный кленовый лист приклеился к объективу, закрыв его. Я аккуратно снял листок с линзы, но он оставил на ней след, испачкав её. Нужно было протереть линзу.

В моём рюкзаке была специальная кисть для таких случаев, но она лежала на самом дне, и мне нужно было где-то присесть, чтобы добраться до неё.

Осмотревшись по сторонам, я увидел ряд скамеек, обращенных в сторону Манхэттена. Над ними возвышалось дерево с ярко-красными листьями клёна. Крона дерева шевелилась от порывов ветра и издавала звук, похожий на громкий шёпот. Скорее всего, листок-одиночка, который замарал мой объектив слетел именно с этого дерева.

Под клёном на одной из скамеек двое мужчин вели беседу. Я направился в их сторону, чтобы сесть на соседнюю скамейку и заняться своей фотокамерой. По мере моего приближения я стал слышать отчётливую речь на русском языке с сильным американским акцентом.

Мне уже доводилось слышать подобный акцент от русских эмигрантов в различных городах Америки. Его сложно спутать с чем-либо другим. Наши бывшие соотечественники, говоря на русском языке, стараются делать это быстро, но из-за того, что они забывают многие слова, они также быстро и умело заменяют их английскими синонимами. В результате получается своеобразный русско-английский «винегрет»

из фраз. Это звучит забавно, но смысл вполне понятен.

Хочу пояснить, как я обычно веду себя в подобных ситуациях. Я побывал во многих странах и везде встречал соотечественников: туристов или эмигрантов. Но я не стремлюсь показать, что понимаю русский язык, если в этом нет необходимости.

К такому решению я пришёл после нескольких долгих бесед, которые отнимали у меня много времени и сбивали с графика путешествия. Когда люди видят во мне «своего», они начинают задавать вопросы и иногда даже высказывать претензии, связанные с тем, что я приехал из их бывшей родины, откуда им пришлось уехать по разным причинам. Поэтому я стараюсь не вступать в разговор первым, а по внешнему виду сложно определить, откуда я.

Присев на соседнюю скамейку, я занялся чисткой линзы. Пока искал кисть в рюкзаке и аккуратно протирал объектив, я стал невольным свидетелем воспоминаний этих двух мужчин.

Это были отец и сын, о чем можно было судить по тому, что один из них называл другого «папа». Интересно, что сын обращался к отцу на «Вы», что придавало их разговору особую трогательность. Отец много расспрашивал о маме, которая живет видимо вместе с сыном в другом штате, а сын с неохотой отвечал дежурными фразами, что все у них хорошо. Мне сложно судить о возрасте, но сыну на вид было около 25-30 лет.

Наконец, в их разговоре возникла пауза. Я к этому времени уже очистил камеру и сидел молча, смотря на огни вечернего Манхэттена.

Вдруг сын резко спросил, не глядя на отца: “Папа, почему вы приехали в Америку и привезли меня сюда с мамой?” – На этих словах он обернулся в мою сторону, как будто адресовал вопрос не отцу, а мне. Я даже немного растерялся, но сделал вид, что не услышал его.

«Когда я был молод, – произнёс с небольшой паузой отец, – я думал, что Америка – это единственная страна, у которой есть будущее. Тебе сейчас трудно даже представить, в каких условиях мы жили в России. Это была impossible life», – на этих словах тон изменился, и в голосе появились нотки сожаления, – тебе здесь не нравится? Почему ты спрашиваешь?

Сын снова взглянул на отца: «Да. Мне надоело думать о деньгах каждый день. Мы всем должны, вы понимаете, папа? Мы должны всем! Как дальше жить? Банк скоро заберёт наш дом, и мы окажемся на улице, и это всё из-за вас, папа».

Я встал со скамейки и медленно направился к ограждению набережной Ист-Ривер, чтобы сделать несколько снимков сверкающих небоскрёбов Манхэттена. За спиной беседа продолжалась, но я не хочу вас до конца погружать в эту очень личную и печальную историю.

Мои мысли разрывались на части. Я наконец понял, что эта случайная встреча была именно тем неисполненным де-

лом, без которого меня не отпускал Нью-Йорк.

Моё настроение резко изменилось, и перед глазами, как в ускоренной перемотке, замелькали кадры из конца 80-х, 90-х и годов прошлого века. Затем появились образы из нулевых и 10-х годов текущего столетия.

Я знал много людей, которые мечтали переехать в Америку. Нью-Йорк казался им недостижимой мечтой, и они были готовы оставить всё, что имели, ради шанса прожить достойную жизнь за океаном, вдали от тех, с кем выросли и кого любили. Некоторые уезжали семьями, продав всё ради американской мечты.

Кто-то смог построить жизнь вдали от родины, кто-то потерял всё и доживает свои дни среди бездомных в нью-йоркских джунглях или Калифорнии, а кто-то просто исчез, как будто его никогда не было на этом свете.

Америка безжалостна к тем, кто оказался не готов к жизни здесь или просто слаб. Деньги – вот главный итог американской мечты.

Я понял, почему должен был попасть сюда: чтобы встретить этих двух несчастных людей, которые, сами того не подозревая, рассказали мне так много о нашей жизни.

Внезапно я почувствовал, как порыв ветра мягко толкнул меня в спину. Надо мной, кружась, пролетели два красных кленовых листа, сорванные ветром с дерева. Они медленно опустились на поверхность Ист-Ривер и поплыли в сторону Статуи Свободы – главного символа Америки. Теперь я по-

нял, что больше не увижу их никогда. Эти листья, подобно судьбам эмигрантов, оторвались от родных корней и устремились в неизвестность, навстречу новой жизни. Но, как и они, многие так и не находят своего места, растворяясь в бескрайних просторах чужой страны.

Америка, подобно беспощадному хищнику, пожирает мечты и надежды тех, кто приезжает в поисках лучшей доли. Но, как и в природе, есть место и для красоты, и для уродства, и для взлетов, и для падений.

В моей голове отчетливо возникли строчки совершенно нового стихотворения, возникшего здесь и сейчас, как импульс:

Сын с отцом не заметили даже,
Как я встал и поплёлся к воде,
По Ист-Риверу двигалась баржа,
Весь Манхэттен светился в огне.
Я смотрел на гигантские джунгли,
Небоскрёбов из разных эпох,
В них ковались бандитские улы,
В перестрелках за право господ.
Утонченные леди и сэры,
И съезжалась со свету вся мразь,
Только те и другие хотели,
Здесь себя подороже продать.

Уже позже, в хостеле, я написал стихотворение полно-

стью, а, добравшись дома до инструмента, родилась и песня, вышедшая на всех стриминговых площадках, которую я назвал "Красный клён".

Начинается она строчкой: "Красный клён, переборами ветви напевал что-то грустно, своё..."

Эти строки, стали для меня отражением всего увиденного и пережитого. Красный клён, свидетель вечных циклов жизни, стал символом хрупкости человеческих судеб, напоминая, что даже самые смелые мечты могут обернуться разочарованием, если не быть готовым к трудностям. Но в то же время он дарит надежду, что, как и природа, возрождается после очередной зимы, так и человек способен найти новые силы, чтобы начать всё сначала.

Красный клён, переборами ветви напевал что-то грустно, своё...